Повесть про плута Ермошку

Жил в одной деревне мужик Ермолай — такой-то плут, хитрый, на всякие выдумки да каверзы мастер, что не сыщешь, кажись, на всем свете такого человека, кого бы он обмануть не смог. Очень не любили его односельцы, не иначе и в глаза звали как плутом Ермошкой. А он все вынюхивает, все хитрости мастерит, чтобы кого провести, как-нибудь нечестно поживиться: тем только и жил. Чтоб работать как следует, по-крестьянски, — к этому у него с малых лет привычки не было. Ну и жил кое-как, бедно: что легко добудет, то еще легче и прогуляет.

Всего имущества у Ермошки была одна коровенка, так, ледащая; где-то он ее раздобыл — попросту, должно быть, уворовал, пустил в стадо, да и забыл про нее. Вот он мудрил-мудрил, обманывал-обманывал, мужики, его односельцы, раз собрались на сходку и порешили: прогнать плута Ермошку вон из общества, чтоб и духом его в деревне не пахло, — очень уж он всем опостылел. Ермошка говорит: «И чудесное дело, давайте мне паспорт. Я и сам уйду; чего тут от вас, голяков, наживешь. Да корову мою подайте!» Вишь, вспомнил про корову.

Выдали ему, чего он требовал, и выгнали. Идет он большой дорогою, куда глаза глядят, и забрел к обеденной поре в большое село. Есть Ермошке хочется, купить не на что, а корову продать жалко: думает как-нибудь схитрить и хороший барыш с нее получить. Вот высмотрел он, что в какой-то избе одна баба у печи возится, а мужиков никого нету, и зашел. Бабу легче, мол, обмануть.

«Здравствуй, — говорит, — тетенька; покорми дорожного человека». Дала ему баба хлеба кусок: «Больше ничего нету». А плут Ермошка носом чует, что от печи жареным гусем пахнет. Вышел на двор, раздергал в стогу сено и говорит бабе: «Тетенька, а тетенька, пойди-ка взгляни: скотина твое сено как раздергала». Баба вышла, а он в печь — стащил со сковороды жареного гуся, на место его какой-то старый лапоть положил, гуся сунул в мешок, что за спиной нес, и сидит, хлеб жует. Поправила баба стог, вернулась в избу и вздумалось ей — такая веселая была баба — загадать Ермошке загадку насчет того, что она его гусем провела: «А что, — говорит, — дорожный человек, знаешь, что в городе Печинском, на селе Сковородинском, есть начальник Гагатей Гагатеевич Гусеев?» «Как не знать! Только он теперь уж не там: его в Сумин город, в село Заплечанское, перевели. А на его место Липана

Плетухановича. Лаптева поставили», — отвечает Ермошка. Сам за шапку да из избы вон.

Идет Ермошка дорогою, гуся съел и выглядывает, где бы заночевать. Вдруг догоняет его богатый мужик из ближнего села. «Откуда и куда, добрый человек, идешь?» — спрашивает. Назвал Ермошка свое село. «А иду теперь, — говорит, — в село Небывалово Незнамовской волости. Знаешь?» «Нет, не знаю. Что ж, у тебя там родные?» «Какие родные! — отвечает Ермошка. — В прошлом году из нашего села туда девку замуж отдали; может, на крестины не попаду ли, так либо пива напьюсь, либо подерусь...» «Ну, — говорит мужик, — по верному же делу ты идешь. А я вот ходил работника себе искать: луг у меня есть дальний, так скосить бы надо, да горячее теперь время, не нашел». «Что ж, — говорит Ермошка, — давай, хоть я тебе подсоблю, мне торопиться некуда. А почем положишь?» Сторговались по целковому за день.

Дома у мужика Ермошка поужинал, переночевал; а наутро рано послал хозяин его с другим работником дальний луг косить. Приехали они. «Ну-ка, Господи благослови, примемся косить», — говорит работник. А Ермошка ему: «Эх ты, голова! С дороги да прямо за работу. Сперва надо отдохнуть». Легли, отдохнули. Работник встал, будит Ермошку. «Полно, брат, спать, косить пора!» — «Что ты? Вперед надо пообедать. Голодному какая работа». Сварили кашу, поели. «Ну, — говорит Ермошка, — после обеда надо соснуть маленько, это уж у всех христиан так водится». Прошло часа три, Ермошка спит да спит. «Вставай, — будит его работник, — пора за работу!» «Работа, брат, не волк, в лес не уйдет, а вот полудничать пора — это верно. Вари-ка кашицу. Да знаешь, брат, — говорит Ермошка, — клади-ка крупу сразу и на полдник и на ужин. Заодно сейчас поужинаем, а после примемся за работу». Вот как пополудничали они да поужинали, работник опять за свое: «Давай косить». «Ну, поглядите на этого дурака! — говорит Ермошка. — Где это видано, чтобы после ужина работали? После ужина все христианство спит». Завалились они спать, проспали до утра. Будит работник Ермошку. «Вставай, примемся за работу!» Ермошка поднял голову, поглядел кругом и говорит: «Гляди, роса какая; разве можно по ней косить? Подождем часок, подсохнет роса, тогда и примемся». Повернулся на другой бок и захрапел; не хочется работник, — росы нету, возьмемся-ка." — "Чего еще! Випроснулись — а солнце уже высоко. «Ну, брат, — говорит работник, — росы нету, возьмемся-ка» — «Чего еще! Видишь, как солнце печет, много тут накосишь. Пусть жара спадет; тогда как примемся косами махать, сразу всю траву скосим. А теперь уж обедать время, станови-ка котел да вари кашицу!»

Так-то Ермошка с работником целых три дня и провалялись. Ровно ничего не сделали, только запас весь приели. «Ермолай, а Ермолай, — говорит работник, — больше запасу нет, чем кормиться будем?» — «Ну, коли есть нечего, надо домой идти». — «А что хозяину скажем?» — «Говори, знай, за мной».

Пришли к хозяину: «Неужто все скосили?» «А то я оставлю, что ли? — говорит Ермошка. — Ведь я какой работник, за десятерых сойду. Давай-ка, хозяин, расчет; мне идти пора». Мужик был скуповат, отдал Ермошке за три дня два с полтиной. «А полтинник, — говорит, — за прокорм твоей коровы». Давай Ермошка спорить да ругаться. Нет, не отдает мужик полтинника. Забрал Ермошка свою корову, остановился под окном у мужика и говорит: «В последний раз прошу, хозяин, отдай мой полтинник. Я бедный человек, а мы, бедные, за вас, богачей, перед Богом молельщики». «Сказано, не отдам!» — «Ну, коли так, я на небо взгляну, руку протяну, Бога вспомяну: как стояла у тебя на лугу трава, так пусть и стоит трава!..» И ушел.

На другой день поехал мужик в дальний луг, покос посмотреть; глядит — батюшки! — и вправду стоит трава некошеная. «Да вы скосили траву-то?» — спрашивает у работника. «Известно, скосили и в копны сложили». «Эх, — говорит хозяин, — должно быть, я на колдуна напал; лучше бы ему этот полтинник отдать, а то теперь снова косить надо. Ну-ка примемся». «Нет, хозяин, давай расчет; я у тебя работать не буду и к этому лугу не подойду: я колдовства боюсь», — говорит работник. А сам думает: «Чем в работниках спину гнуть, пойду лучше к Ермолаю в товарищи: с ним легко хлеб добывать».

Идет Ермошка путем-дорогою, коровенку свою за собой тащит. Около большого села догоняет его работник, с которым они траву косили. «Куда это ты, брат, бежишь?» — спрашивает его Ермошка. «Тебя, Ермолай, догонял; возьми меня в товарищи, я от хозяина ушел — ну его!» Поглядел на него Ермошка, подумал: «Парень простой, можно и от него попользоваться». «А деньги у тебя есть?» — «Есть, от хозяина двадцать рублей получил». — «Ну, пойдем».

В том селе, куда они пришли, на другой день ярмарка трехдневная начиналась. «Давай-ка, брат, вином торговать, — говорит товарищу Ермошка. — Самое прибыльное дело». «Ладно». Первый день они прогуляли весь — надо отдохнуть с дороги да осмотреться. Ермошкин товарищ на пять рублей разорился, да и из Ермошкиных двух с полтиной у него только пятак один остался. На другой день, как проснулись, говорит работник: «Ну, брат Ермолай, давай деньги наживать». «Ладно, — говорит Ермошка, — поди, купи водки двухведерный бочонок да стакан, потом сочтемся». Купил товарищ водки и расположились они с бочонком у дороги, при въезде в село —

проезжающих сманивать. Сидят-сидят, — а еще рано, никого нет; Ермошке страх опохмелиться хочется. «Ну-ка, брат, — говорит, — выпьем для начала сами по стаканчику». — «Нет, Ермолай, так толку не будет: с этой водки будем деньги наживать». Ермошка нашарил в кармане пятак и говорит: «За деньги, так за деньги! Получай с меня пятак, давай стакан — вот и начало положим». Товарищ ему налил стакан за пятак, смотрит, как Ермошка пьет, и самому выпить захотелось. «Давай-ка и я стаканчик хвачу». «Нет, брат, — говорит Ермошка, — коли за деньги, так уж и ты плати». Товарищ заплатил Ермошке пятачок и выпил стаканчик. Еще раз — все за деньги — по стаканчику выпили. «Чудесное дело! — говорит Ермошка. — Так-то и выпьем хорошо и в барышах останемся. Ты прикинь-ка; почем нам этакий стаканчик обошелся. Больше двух копеек ни за что не стал. А мы по пятачку торгуем. Что ни стакан, то три копейки чистого барыша. Ну, только и ловкий ты, погляжу я на тебя, парень: какой стакан припас; с виду будто и большой, а входит в него — и на глоток мало, ишь дно толстое какое! Что с тобой делать, видно надо кошель облегчить. Налей-ка еще стакан за пятак». Отдал товарищу пятак, который от него сейчас получил, выпил. Товарищ ему пятак вернул, выпил тоже.

И таким манером прогуляли они до самой ночи. Пьют и, по чести, деньги за всякий стакан друг другу платят. Ермошкин товарищ так в торговлю вошел, что с каждого стакана барыш считает; насчитал в первый день семь с полтиной чистого. «Завтра, — говорит, — проверим выручку, а теперь не могу… Спать давай».

Шли мимо них какие-то гуляки. Смотрят: около бочонка двое храпят и стаканчик на бочонке. Они подсели, бочонок дочиста опорожнили да вместо спасибо еще и хозяев обшарили. Тут Ермошкину пятачку и конец пришел. С товарища его сапоги новые сняли, последние пять рублей у него унесли, а самого, на смех, поперек дороги положили.

Под утро ехал дорогою мужик. Увидал, что лежит человек, слез с телеги и давай его будить: «Эй, слышь, вставай!» — «Да еще рано». — «Чего рано, вставай!» — «Ну тебя, убирайся, не приставай». — «Да прими хоть ноги-то, дай проехать». Глянул Ермошкин товарищ на свои ноги, видит, что они босые, и говорит: «Поезжай, коли хочешь; это не мои ноги, мои — в сапогах». И заснул опять. Делать нечего: схватил его мужик за ногу, спихнул в канаву и проехал.

Уж за полдень проснулся работник. Очухался, глядь, — что за оказия: ни сапог на ногах, ни денег в кармане, ни товара в бочонке… Взвыл он и давай Ермошку будить. «Караул, — кричит, — обокрали нас!» А Ермошка как вскочит да бежать… Не опомятовался со сна, думал, нечистая совесть, что это по его душу караул зовут… А работник увидел, что Ермошка улепетывает — да

за ним. «Стой, — кричит, — стой!» Ермошка с перепугу еще шибче наддает. Бежали-бежали… Наконец, пообдуло Ермошку ветерком, опамятовался он: «Куда это, — думает, — я бегу?» И остановился. Товарищ его догнал. «Чего, — спрашивает, — ты убежал?» «Как не бежать, коли караул кричат». «Да это я кричал, — говорит работник, — ведь нас обокрали. Выручка-то у тебя цела?» Сунул Ермошка руку в карман — и пятака нету… «Ах, разбойники, — кричит, — и у меня все чисто унесли, вся выручка пропала и моих пятьдесят рублей!» Работник сел на бугорок и давай плакать. «Что теперь делать будем: сторона чужая, денег нет, хоть с голоду пропадай». «Ничего, — говорит Ермошка, — не горюй. Наше дело торговое, а в торговом деле нынче убыток, а завтра, гляди, барыш будет. Поправимся». А сам думает: «Надо теперь с ним развязаться; все равно, ничего уж из него не вытянешь».

Пошли они назад в село, где Ермошкина корова осталась. Глядят, в стороне на лугу сидит баба: разостлала на травке холсты белить и стережет. «Как-никак, — говорит Ермошка, — надо нам для начала дела капиталом разжиться. Хоть холст украдем у бабы». Товарищу воровать не приходилось — ну, Ермошка его научил, рассказал, что делать надо. Подошел Ермошка к бабе и говорит: «Здравствуй, тетенька! Бог в помощь холсты от воров стеречь». — «Здорово, родимый, куда Бог несет?» — «Да, вот иду за немецкую границу: оставил там мой дедушка рукавицу — надо найти». — «И-и, родимый, далеко это должно быть, стоит ли из-за рукавицы ходить». — «Как не стоит. Там один звон в церквах послушать, так любо-дорого. Вот у вас, к примеру, как звонят?» — «Да, небось, как везде; везде ведь колокола-то медные». — «Мало ли что. Прозвони-ка по-вашему, а потом я тебе по-заграничному прозвоню». — «Ну у нас так: тиинь-ти-ти, тинь-тити, тинь-ти-ти, дон-дон, дон-дон, бу-ум!» — «Видишь, а там куда чуднее». Махнул Ермошка товарищу рукой, чтоб тащил холст, а сам зазвонил: «Тяни-тяни, потягивай! Тяни-тяни потягивай!» «Уж куда чудные звоны, — говорит баба, — сейчас видно, что басурманские, — на воровской лад». Пока Ермошка с бабой лясы точил да звоны звонил, а она слушала — товарищ холст стащил и пустился через кусты к лесу. «Ну, прощай, тетенька, не поминай лихом», — сказал Ермошка и пошел за работником.

Стали они к лесу подходить. Вдруг слышат: завыла, заголосила баба — значит, заметила пропажу. «Плохо наше дело, — говорит Ермошка, — давай сюда холст; я в кусты его спрячу и сам побегу направо, а ты прямо по дороге в лес беги!» Как товарищ порядочно отбежал, давай Ермошка вопить: «Ой, братцы, не бейте! Ой, хоть душу на покаяние отпустите! Не я холст взял; тут какой-то человек прямо вон той дорогой пробежал и холст в кусты бросил!» А сам палкой — то по земле, то по деревьям так и колотит… Услыхал это его

товарищ и припустился бежать что есть духу, куда глаза глядят. А Ермошка забрал холст и пошел в село за своей коровенкой.

На ярмарке продал Ермошка холст, забрал корову — идет себе да посвистывает. Шел-шел, деньги проел, никакой поживы не попадается. «Надо, — думает, — пока хоть к какой-нибудь работе пристроиться, вроде как я сено косил». А тут на его счастье барская усадьба у дороги, и на крыльце сам барин сидит. Подошел Ермошка к нему, такой казанской сиротой прикинулся и говорит: «Доброго здоровья, батюшка барин, не найдется ли какой работки для меня, для несчастного?» «Что ж у тебя за несчастье?» — спрашивает барин. «Да прогневал я Господа Бога: сапог у меня новый разорвался». «Вот чудак какой, — думает барин. — Как же это ты, братец, — спрашивает, — его разорвал?» «Об гвоздь, ваша милость, по чужому чердаку ходивши». — «Не надо бы на чужой чердак забираться». — «Кафтан вешал после мытья посушиться, очень уж его измазал, когда со своей лошади шкуру снимал». — «Значит, у тебя лошадь пала?» — «Надорвалась, воду возивши, когда мой амбар горел». — «И амбар у тебя, стало быть, сгорел?» — «Да не он сперва, батюшка барин; сперва-то моя новая изба сгорела». — «Вон как! И изба у тебя сгорела?» — «Сгорела, ваша милость, подожгли нечаянно, когда я по жене да по детям поминки справлял». — «И жена с детьми у тебя, значит, померли?» — «Всех в старой избе задавило, как нашу деревню рекой подмыло». — «Ну, возьму тебя в пастухи», — говорит барин.

Стал Ермошка стадо пасти — спать в поле с утра до вечера. Чего бы лучше. Только надо же такой беде стрястись: задралась его коровенка с барской коровой да и забодала ее насмерть. Пришел Ермошка вечером к барину с докладом: «Все, — говорит, — благополучно, только одна корова другую до смерти забодала». — «Какая которую?» — «Вашей милости пестрая коровка мою коровенку боднуть изволила». «Ну, — говорит барин, — не к мировому же корову вести». А Ермошка ему: «Виноват, обмолвился: моя коровенка вашей милости пеструю коровку до смерти забодала». «Ах ты, такой-сякой! — закричал барин. — Веди твою корову на двор, я ее к становому представлю, штраф заплатишь!» «Эх, ваша милость, что ж вы свое слово барское меняете! Сейчас сами сказали, что не к становому же вести вашу корову, коли она мою забодала, а теперь мою к становому отправить хотите». «Ладно! — говорит барин. — Убирайся от меня вон, и коровенку твою я тебе не отдам. Пусть хоть чем-нибудь мне за свою вину заплатишь». Давай Ермошка барина просить-молить; канючил-канючил и выклянчил, наконец, что барин, ради всех его несчастий, приказал отдать ему шкуру от убитой коровы, а самого все-таки в шею из усадьбы вытолкал.

«Плохо мое дело, — думает Ермошка, — как из дому уходил, хоть корова была, а тут ходил-ходил, сколько голову ломал, а капиталу всего одна шкура дырявая!» По дороге застала его ночь темная, холодная. Смотрит Ермошка: в стороне усадьба стоит, видно, что хозяин богатый. Он подошел, постучался. Выходит хозяйка: «Чего надо?» — «Укрой, хозяюшка, от темной ночи». — «Убирайся, много вас тут, бродяг, шляется!» И захлопнула у него дверь под носом. Около дома стоял стог сена. «Что ж, — думает Ермошка, — хоть на стогу, в сено закопавшись, переночую; все теплее да и около жилья не так страшно». Забрался на стог, начал укладываться; смотрит — а ставни у окон не плотно притворены были — в горнице, как раз у окна, за столом сидит хозяйка с молодым парнем, и на столе перед ними всякое угощенье и питье наставлены. Видно Ермошке через щель, какой там пир идет, — и такой его голод разбирать стал, просто слюни потекли…

Вдруг загремела по дороге телега, подъехал кто-то к дому и застучал в окно. Батюшки!.. Какой в доме переполох поднялся: хозяйка вскочила, молодец за ней, бегают, мечутся… Молодец вместо шапки схватил с лавки ведерко с дегтем, надел на голову и весь дегтем облился; хозяйка его то туда, то сюда пихает, спрятать хочет… Открыла сундук с пухом да перьями, втолкнула его туда и давай съестное со стола убирать… Видит Ермошка, что еду с его глаз прячут, и заохал с голода: «Ох-ох-ох!»

А хозяин — это он приехал — спрашивает: «Кто там на стогу? Слезай, коли добрый человек!» Ермошка слез: «Шел, — говорит, — ночь застигла, ночевать в дом хозяйка не пустила, вот я и укрылся на стогу». «Ну, чего на стогу ночевать, пойдем в дом, и там место найдется», — говорит хозяйкин муж.

Отворила им хозяйка, так ласково встречает. Сейчас собрала на стол. «Прости только, Иваныч, — говорит мужу, — не ждали тебя сегодня: кроме пустых щей ничего на ужин нету». И поставила перед ними миску капустных щей без говядины. Хозяин принялся есть, а Ермошка, хоть и голоден, так только ложкой во щах болтает. Сидел он, сидел, да вдруг и придавил ногой коровью кожу, что под столом лежала. Она — скрип!.. «Что это у тебя там?» — спрашивает хозяин. «А это у меня там колдун сидит». — «Неужто? Покажи, братец, отроду колдунов не видал». — «Показать нельзя: его глазами все равно не увидишь, а чуть развернешь кожу, где он у меня засажен, он мигом исчезнет. Это, хозяин, мне невыгодно: он, пока у меня, все, что захочу, мне дает». — «Да что ты?» — "Верно. Вот я сейчас спросил его: может он нас хорошо накормить? Он говорит: можно. «Ну-ка, колдун, где нам хорошей еды достать?» — спрашивает, а сам придавил кожу, она — скрип! — «Говорит, что

под печкой он нам жареного гуся сколдовал, а на полке под полотенцем пирог с говядиной приготовлен».

Вытащил хозяин гуся и пирог: «Вот так ловко! — говорит. — Ужин важный; а есть его можно?» «За тем поставлен, ешь небось». Принялись за еду — вкусно. «Эх, — говорит хозяин, — кабы мне такого колдуна». «Ты постой, то ли еще будет». Надавил Ермошка опять на кожу. «Еще что-нибудь приготовил?» — спрашивает. Прислушался. «Еще он говорит, что под лавкой водка, пиво да наливка для нас приготовлены». Хозяин заглянул под лавку. «Ах ты, сделай милость, — правда ведь!» Сели, стали пить. Хозяин давай к Ермошке приставать: «Продай мне твоего колдуна, сколько хочешь заплачу». — «Ты погоди, хозяин… Хочешь, он тебе черта покажет?»

Хозяину хмель в голову ударил. «Валяй; — говорит, — показывай, я теперь не боюсь». Надавил Ермошка на кожу, прислушался: «Черт вот в этом сундуке посажен — отвори крышку да гляди». Хозяйка ни жива, ни мертва стоит. Отпер мужик сундук — как выскочит оттуда молодец, по дегтю в пуху обвалянный, — чистый черт — да к дверям, да на улицу; только и видели его. «Эка страсть какая!» — говорит хозяин. Ну, со страсти еще выпили.

Пристает хозяин к Ермошке неотвязно: «Продай мне твоего колдуна!» Ермошка еще поломался для виду и говорит: «Дорогая это штука, другой мне не нажить. Ну, за то, что приютил ты меня на ночь, так и быть уж уступлю. Давай триста рублей». Мужик рад, отсчитал ему сейчас триста рублей, взял шкуру и спрятал ее под замок, чтоб колдун из нее не убежал… А хозяйка, хоть и видит, что все обманывает Ермошка ее мужа, а сказать мужу боится, чтоб Ермошка ее плутней мужу не выдал.

Наутро Ермошка пораньше встал и ушел, чтоб не надумал хозяин при нем колдуна пробовать. Идет, а сам думу думает: «Теперь я с деньгами; пойду-ка в свою деревню. Небось, денежного человека примут. А за то, что выгнали меня, уж я им штуку подстрою…» Пришел в свое место и прямо к старосте. «Чего вернулся?» — спрашивает староста. «Денег много заработал, да путем счесть не умею. На чужой стороне, боюсь, обманут. Вот и пришел к тебе: сочти, сделай милость, ты у нас грамотный».

Стал староста считать, насчитал триста рублей и спрашивает Ермошку: «Откуда это ты, Ермолай Петрович, столько денег достал?» «То-то, откуда. Сидите здесь, в своей мурье забившись, и не знаете, что теперь война объявлена, на солдат новые сапоги надобны — за одну кожу пятьдесят рублей дают в городе. А я узнал, коровенку свою зарезал, кожу продал да на те

деньги в деревне двух коров купил; опять кожи продал. Так триста рублей и заработал. Теперь пришел ваших коров закупать да барыши наживать».

Вскорости об Ермошкиных барышах узнала вся деревня. Стали к нему мужики приходить, расспрашивать. Он все, как старосте, им рассказывает и у всякого корову торгует: «Берите, — говорит, — без хлопот двадцать пять рублей на круг за корову, а я за мои труды по двадцати пяти рублей с головы наживу да подряд возьму на войска солонину ставить». «За какие-такие труды, — думают мужики, — столько Ермощка наживать будет? И без него справимся». Потолковали между собой, перерезали всех своих коров и повезли шкуры в город продавать. Ходили-ходили по городу — никто им больше двух с полтиной за шкуру не дает. «Что ж это, братцы? — говорят мужики друг другу. — Ведь не иначе Ермошкафлут нас обманул, посмеялся над нами». Накинулись с горя на старосту за то, что он Ермошке поверил, — а еще грамотный! Ругались-ругались и порешили: как-никак извести Ермошку вовсе со света.

Кожи продали, на выручку соли купили, чтобы хоть мясо от зарезанных коров посолить, — как уходили, у них и на засол денег не было — да и пошли назад. Пришли, глядь, а мясо, несоленое, уж вовсе протухло. Такая их злость на Ермошку взяла, что порешили они сейчас его поймать и утопить; для этого дела выбрали старосту и сотского: «От тебя, — говорят старосте, — вся беда пошла, а сотский — твой помощник, вы и изведите злодея». Староста с сотским — мирские слуги — да и сами на Ермошку злы — сейчас пошли, поймали его, завязали в мешок и потащили топить на реку. Видит Ермошка, что попался, выручить его некому, одна ему надежда на авось осталась, — сидит уж в мешке тихо.

А дело зимой уж было, реку льдом затянуло. Притащили староста с сотским мешок, сложили на берегу — а лед-то прорубить нечем. Сотский говорит: «Я схожу за топором, а ты постереги». «Ишь какой, — говорит ему староста, — жди тебя: оба брались, оба и под ответ пойдем». Спорили-спорили и порешили на том, чтоб обоим в деревню за топором идти. «Должно быть, Ермошка со страху вовсе языка лишился, — говорят, — а без крику его здесь никто под крутым берегом не заприметит». Только отошли они подальше — давай Ермошка вопить да в мешке возиться.

И случись на то время по дороге недалеко от того места ехать староверскому начетчику. Едет старик на парочке бурых, вдруг слышит: кричит кто-то у реки. Он соскочил, подошел: «Кто здесь в мешке?» — спрашивает. «Развяжи-ка мешок, добрый человек, а то здесь ошибка вышла». Вылез Ермошка из мешка, оглядел старика, сейчас понял, кто он такой, и говорит: «Неужели, батюшка, ты не признал меня?» — «Нет, дитятко, кажись, я тебя

не знаю». — «Как же так? Я из ваших тоже, из дальних скитов. Вышло у нас такое чудесное знаменье, что в нынешние тяжкие времена надо одному человеку за правду пострадать — тогда наш верх будет. Вот на меня жребий пал, а я еще молод, не успел много нагрешить — и усомнился. Хоть и в рай прямо пойду, а пожить больно еще хочется…» Посмотрел на него начетчик сердито: «Маловер ты, — говорит, — этакое тебе счастье выпало, а ты ропщешь. Не достоин ты! Пусти меня: жаждет душа моя пострадать!» Ермошка и спорить не стал, увязал начетчика в мешок накрепко, вскочил в сайки и давай нахлестывать его бурых.

Пришли староста с сотским, бултыхнули начетчика в прорубь — только забулькало: бурлы-бурлы" — и пошли в ближний кабак, что на большой дороге стоял, после трудов выпить. Глядь, у кабака пара бурых, в санки запряженных, стоят, а в санках сидит Ермошка. Только что он из кабака вышел и дальше ехать собрался. Так и обомлели сотский со старостой: «Ермошка, — спрашивают, — как же ты из проруби вылез, откуда лошадей взял?» А Ермошка им: «Эх, дурачье вы! Хотели меня погубить, а вместо того еще лучше мне сделали. Как вы меня кинули в реку, я гляжу; по дну лошадей целое стадо ходит… Ну я сейчас этих буреньких приметил и давай их звать. Небось, сами вы слышали, как я „буры-буры!“ кричал, когда под воду шел. Поймал их, запряг да по дну прямо сюда и выехал. Прощайте, братцы, издыхайте с голоду, да меня лихом не поминайте!» Хлестнул бурых и уехал.

Немало еще плут Ермошка по свету болтался, много хитрил да мошенничал. Только верно пословица говорит: «Повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить!» — недавно его на каком-то воровстве поймали и в Сибирь сослали.